Н. Тихій.

КРУЧИКЪ ТЕПЕРЬ.

(Описаніе поѣздки въ бывшее родовое имѣніе В. Н. Каразина въ 1903 г.).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.
1907.

Кручикъ теперь.

(Описаніе поѣздки въ Кручикъ въ 1903 году).

Кручикскія земли[1]) принадлежатъ большею частью г. Кенигу, имѣющему близъ станціи Гуты (Харьк.-Ник. жел. дор.), гдѣ находится и Кручикъ, сахарный заводъ. Въ конторѣ этого завода есть нѣкоторыя купчія крѣпости, заключенныя Кенигомъ съ многочисленными владѣльцами кручикскихъ и гутянскихъ земель, принадлежавшихъ нѣкогда Василію Назаровичу Каразину. Здѣсь же межевыя книги, переданныя новому владѣльцу преемниками имѣнія В. Н. Каразина Е. А. Земборскимъ и Д. Н. Мягкимъ. Къ этимъ книгамъ приложено до 20 плановъ, составленныхъ въ межевой канцеляріи; но, какъ я ни старался по нимъ опредѣлить положеніе и границы имѣнія В. Н. Каразина, почти ничего добиться не могъ; неразборчивый почеркъ въ опредѣленіяхъ границъ имѣній, различные масштабы и, вѣроятно, переходъ къ цѣлому ряду владѣльцевъ нѣкоторыхъ кусковъ земли Каразина, уменьшавшихся на счетъ сосѣдей и увеличивавшихся до покупки ихъ Кенигомъ, спутали меня окончательно; могъ я только почерпнуть изъ плановъ свѣдѣнія о переходѣ земли къ тѣмъ или инымъ владѣльцамъ, времени покупки и продажи и нѣкоторыя географическія данныя мѣстоположенія имѣнія. Остатки тамошней дѣятельности В. Н. Каразина очень жалки. Лѣсъ, посаженный самимъ Василіемъ Назаровичемъ, нѣкогда занимавшій большое пространство, теперь по частямъ почти весь вырубленъ. Въѣхалъ я въ деревню. Тщетно старался найти остатки громаднаго барскаго дома Каразина (горѣвшаго въ 1836 г.), его сельской думы, виннаго завода, химической лабораторіи и проч., и проч., свидѣтельствовавшихъ о кипучей дѣятельности этого человѣка... только кру-

---

[1]) Харьковской губ., Богодуховскаго уѣзда.

чикскую церковь можно узнать, сравнивъ съ сохранившейся картиной [1]), изображающей имѣніе Василія Назаровича еще при жизни его. Та же архитектура, тѣ же ветлы вокругъ, передъ колокольней на мѣстѣ спущеннаго пруда свѣтло-зеленая мурава; даже своеобразная лѣсенка въ церковь осталась по-прежнему. Только крыша колокольни спущена на 1 ярусъ, въ которомъ при Василіи Назаровичѣ были вставлены часы. На колокольнѣ еще виситъ знаменитый Каразинскій колоколъ [2]), повѣшенный въ память наѣзда Ольховскаго [3]) на крестьянъ Кручика; на колокольнѣ, по разсказамъ нѣкоторыхъ крестьянъ, было рельефное изображеніе головы Ольховскаго и надпись. Молотъ близъ висѣвшихъ часовъ отбивалъ время по изображенной головѣ. Отъ надписи сохранилось только слѣдующее: «сей колоколъ—юща къ Богу людей—села Кручика си деревни Основинецъ—Васильевымъ сыномъ—1776 г. Августа 16 числа». Недостающія слова сбиты по приказанію властей еще по просьбѣ самого Ольховскаго. Крестьяне разсказывали мнѣ, что послѣдній сильно заболѣлъ, послѣ того какъ былъ повѣшенъ колоколъ въ Кручанской церкви и молотъ сталъ бить по головѣ, изображенной на колоколѣ. Ольховскій предложилъ Каразину большія деньги за то, чтобы онъ уничтожилъ компрометирующіе Ольховскаго знаки, но не могъ ничего добиться. Когда часть имѣнія Василія Назаровича перешла графу Подгоричани-Петровичу (1824 г.), Ольховскій купилъ часы съ ненавистнымъ молотомъ и отправилъ ихъ въ Богодуховскій соборъ, гдѣ они и теперь находятся [4]). На колокольнѣ есть еще одинъ колоколъ старинаго литья, по сходству орнаментовъ, можетъ быть, современный первому, но безъ надписи. Внутри церкви обращаетъ на себя вниманіе иконостасъ старинной работы изъ позолоченнаго дерева; оканчивается онъ къ верху чѣмъ-то въ родѣ языковъ пламени такой же работы. Живопись по характеру изображеній очень ста-

[1]) Она воспроизведена на памятникѣ Каразину въ Харьковѣ.

[2]) О немъ см. ст. Д. И. Багалѣя „Каразинъ и его колоколъ“, Кіевск. Стар., т. XXXIX, или 1 гл. біографіи В. Н. Каразина (Н. Тихаго).

[3]) Помѣщика, сосѣда Н. А. Каразина; между ними было кровавое столкновеніе. Ibid.

[4]) По описи 1817 г. въ инвентарной записи церкви, часы значатся еще дѣйствующими. Въ описи церковныхъ имуществъ 1850 г. значится: „На колокольнѣ устроены боевые часы, которые стоятъ 500 рублей ассигнаціями“ „испорчены“ и позднѣйшая приписка: „При перестройкѣ колокольни они совсѣмъ сняты“.

ринная и, какъ извѣстно, не мало картинъ принадлежало кисти извѣстныхъ харьковскихъ художниковъ (Алферову [1]) и Колтуновскому), которымъ протежировалъ В. Н. Каразинъ, которыхъ онъ старался отправить въ Италію для продолженія художественнаго образованія. Иконы во время генеральнаго ремонта, въ началѣ 80-тыхъ годовъ, были «подновлены», и какой-то невѣжественный богомазъ густо покрылъ краской старыя иконы, придерживаясь преимущественно яркихъ цвѣтовъ, вѣроятно, болѣе отвѣчавшихъ его эстетическому чувству, чѣмъ божественная вдохновленность лицъ угодниковъ. Не знаю, какимъ чудомъ избѣгло общей участи прекрасное изображеніе Бога-Саваоѳа въ нишѣ подъ жертвенникомъ. Въ лѣвой сторонѣ церкви есть еще двѣ «неподновленныя» иконы: одна—изображеніе главы Іоанна Крестителя, другая—совершенно темная; подписей художниковъ или не было, или онѣ не замѣтны на почернѣвшемъ отъ времени фонѣ. Есть иконы древняго письма; такъ, въ правой сторонѣ церкви небольшая икона Богоматери, написана еще въ 1739 г., какъ удалось разобрать по закрашенной подписи. Сохранилась «Каразинская», какъ мнѣ сказали, плащаница, но она, кажется, не принадлежитъ кисти какого-либо талантливаго живописца: на выцвѣтшемъ розовомъ шелковомъ полѣ изображеніе лежащаго Спасителя; въ лицѣ не замѣтно экспрессіи: тѣло лежитъ лицомъ вверхъ; кругомъ—орудія пытки: копья, плеть и мечъ, гвозди съ молоткомъ, губка, кисть руки, кости (жребіи), веревка, пылающій огонь на колоннообразномъ жертвенникѣ; каждое изъ послѣднихъ изображеній вмѣсто рамки имѣетъ терновый вѣнецъ. Эта плащаница уже не трогается за ветхостью, а въ религіозныхъ церемоніяхъ употребляютъ новую. Интересны два креста для крестнаго хода. Одинъ изъ нихъ укрѣпленъ на коронѣ двухглаваго деревяннаго золоченаго орла съ широко распущенными крыльями и посеребренымъ медальономъ, съ середины котораго соскочила, къ сожалѣнію, буква, вѣроятно, заглавная, имени царствовавшаго монарха. Въ самой древней описи 1817 г. значится про этотъ крестъ такъ: «Для крестныхъ ходовъ одинъ большой вызолоченный по дереву крестъ»—лишь до-

[1]) Объ Алферовѣ говорили мнѣ крестьяне: можетъ быть, это былъ и Алфераки, съ которымъ былъ знакомъ и переписывался Каразинъ.

казательство древняго его происхожденія, такъ какъ изъ 3-хъ существующихъ въ церкви крестовъ для крестныхъ ходовъ два другіе болѣе поздняго происхожденія (одинъ 1830 г., другой пожертвованный помѣщицей Мягковой) и не «вызолочены по дереву». Другой, въ притворѣ храма, съ слѣдующей надписью: «Сей крестъ написанъ стараніемъ села Кручика церковнаго старосты Григорія Манжаренка. А кончилъ Емельяномъ Гутниковымъ (не разобрано)... въ 1830 году».(Въ нижнемъ этажѣ колокольни, съ правой стороны передъ входомъ на лѣстницу, на высотѣ человѣческаго роста виситъ желѣзная уключина; старики сказали мнѣ, что сюда закладывалось основаніе кисти правой руки тѣхъ изъ крестьянъ Василія Назаровича, которые отличались упорствомъ въ непосѣщеніи церковныхъ службъ; петля запиралась на замокъ, и въ такомъ положеніи наказанный находился въ продолженіе всей литургіи.) Снаружи церкви хорошо виденъ заложенный свѣжимъ кирпичемъ ходъ въ фамильный склепъ Каразиныхъ. Заложенъ онъ во время пресловутаго ремонта. Въ склепѣ 8 нишъ, изъ которыхъ, по разсказамъ, въ трехъ стоятъ гробы, а пять пустыхъ. Въ одной погребенъ Назаръ Александровичъ Каразинъ. Гробъ его раскрывали не такъ давно. Покойный священникъ спускался подъ полъ въ церкви и показывалъ склепъ какому-то студенту. Изъ одежды оказались сохранившимися красные шелковые чулки и металлическая пряжка. Гробы богато украшены. Кто погребенъ въ двухъ прочихъ нишахъ, никто не знаетъ, ибо нѣтъ никакихъ надписей. Въ церкви виситъ въ простой рамѣ едва различаемый «эпитафіумъ» или надгробная надпись Назару Александровичу Каразину, составленный, по преданію, философомъ Сковородою (перепечатанъ въ «Сборникѣ Харьковскаго историко-филологическаго общества за 1891 г., т. III, стр. 308—310), начертанный красными буквами на черной доскѣ, въ желтой багетной рамѣ.

Церковь въ Кручикѣ, ея содержимое—единственные вещественные остатки дѣятельности здѣсь Василія Назаровича. Нынѣшняя убогая школа стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда самъ Василій Назаровичъ училъ ребятъ и стариковъ. Винокуренный заводъ еще вырабатывалъ при Земборскомъ водку (при Каразинѣ здѣсь вырабатывался алкоголь въ спеціально приспособленныхъ мѣдныхъ сосудахъ, отправляемый имъ за границу). Недавно, въ 1903 году,

засыпана огромная яма на мѣстѣ разрушеннаго завода В. Н. Каразина. Вообще дѣятельность преемниковъ В. Н. Каразина выразилась крайне отрицательно, не говоря уже о полнѣйшемъ забвеніи учрежденій Василія Назаровича: они какъ бы старались разрушить устроенное имъ. Съ удивленіемъ слушалъ я, что мужъ одной изъ внучекъ Каразина вырубилъ 20 десятинъ насаженнаго Каразинымъ лѣса. На мѣстѣ барской усадьбы Каразина и чуднаго парка, гдѣ произрастали экземпляры всевозможныхъ рѣдкихъ растеній, чуть не со всѣхъ концовъ земного шара, выписываемыхъ и культивируемыхъ съ большимъ трудомъ и громадными затратами,— крестьяне сажаютъ теперь картошку и бураки, очистивъ предварительно паркъ отъ рѣдкостей и употребивши ихъ на топку. Длинный кварталъ хатъ, на $12^3/_4$ десятинъ бывшей усадьбы и парка, по просьбѣ крестьянъ былъ проданъ имъ по частямъ Кенигомъ. На мѣстѣ дома стоитъ хата, кажется, старосты церкви, который до сихъ поръ пользуется кирпичемъ Каразинскихъ подваловъ и кладовыхъ. Та часть деревни, которая расположена на мѣстѣ уничтоженнаго парка, до сихъ поръ носитъ названіе «парки».

Но люди не могли, при всей настойчивости, искоренить память о прежнемъ владѣльцѣ Кручика. Среди крестьянъ Василій Назаровичъ слыветъ «Графомъ Карадзинымъ», какъ бы въ память выдающагося положенія его въ первые годы царствованія Александра I. Разсказы среди мѣстнаго населенія о жизни Василія Назаровича, столь богатой игрой фортуны, украшены любопытными легендарными подробностями. Стремленіе видѣть зло наказаннымъ и добродѣтель торжествующею повлекло къ нѣкоторымъ анахронизмамъ въ изложеніи событій изъ жизни Каразина. Такъ, крестьянинъ Сильвестръ Романовъ Сѣренко (Сѣренко—одна изъ любимыхъ крестьянскихъ семей Каразина) разсказывалъ мнѣ о Каразинѣ слѣдующее: «Василій Назаровичъ былъ шпіономъ у царя: узнавъ о заговорѣ на жизнь послѣдняго, онъ списалъ у злоумышленниковъ проекты исполненія заговора и представилъ ихъ государю. Недоброжелатели однако представили дѣло государю въ обратномъ видѣ, приписавъ замыселъ самому Каразину (Исторія докладной записки о состояніи Россіи императору Александру I 1820 г. и слѣдствіе ея). Царь разгнѣвался и приказалъ посадить Каразина въ «столпъ», гдѣ онъ непремѣнно и умеръ бы, если бы

его не спасла жена. Она привезла тайкомъ изъ Кручика лакея Василія Назаровича, который, надѣвая на ночь маску, похожую на лицо хозяина, смѣнялъ его на ночь и давалъ возможность ему «побѣгать и размять свои косточки». Василій Назаровичъ сидѣлъ въ столицѣ цѣлый годъ, борода у него выросла до колѣнъ. Тѣмъ временемъ его жена доказала невинность мужа, и въ порывѣ великодушія царь далъ Каразину такую власть, какой въ Руси никто не имѣлъ: «все подъ властію его были»; чиновники трепетали его пріѣзда въ Слободскую губернію» [1]).

Крестьянъ своихъ Василій Назаровичъ воспитывалъ очень строго: забывавшихъ Бога приковывалъ на время обѣдни правой рукой къ стѣнѣ притвора колокольни [2]); стариковъ, не знавшихъ «Отче нашъ»... собиралъ въ школу и самъ училъ этой святой молитвѣ; подвергалъ тѣлеснымъ наказаніямъ, но, по присущей его характеру добротѣ, не могъ выносить долго страданій наказуемаго: «назначитъ благочинный розогъ 20, а и 5 разъ не успѣютъ ударить, какъ Василій Назаровичъ бѣжитъ и приказываетъ прекратить наказаніе. «Довольно, довольно, онъ покается», кричалъ онъ тѣмъ, которые производили экзекуцію. Доброе сердце В. Н. Каразина видно еще и по слѣдующему разсказу того же Сѣренка. Разъ Василій Назаровичъ проѣзжалъ мимо деревни, гдѣ били мужика за невзносъ подушной платы. Каразинъ не вынесъ, приказалъ прекратить наказаніе и уплатилъ долгъ. Лучше, чѣмъ у Василія Назаровича, крестьяне ни у кого не жили. Чтобы обезпечить въ тяжелую годину своихъ крестьянъ, Каразинъ учредилъ общественную сумму. Денегъ скопилось много (это не подтверждается оффиціальными данными). Каразинъ положилъ (тутъ—опять легенда) цѣлыхъ 15,000 р. серебромъ въ боченокъ и спустилъ его на цѣпяхъ подъ престолъ въ церкви. Въ несчастный годъ деньгами можно будетъ воспользоваться, такъ какъ «онѣ сами объявятся», а пока ихъ никакъ нельзя найти. Насколько твердо укрѣпилась мысль объ упомянутомъ фактѣ скрытія денегъ въ Кручанцахъ, служитъ то обстоятельство, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ разрывали землю подъ храмомъ, ища завѣтныхъ денегъ. Конечно,

[1]) Фаворъ Каразина въ 1801—2 г. Шлиссельб. заключеніе въ 1820 г.

[2]) Правдоподобность этой легенды сомнительна: см. мою книгу „В. Н. Каразинъ". Кіевъ, 1905 г., стр. 129.

ничего не нашли; но всѣ согласны съ тѣмъ, что деньги не найдены потому, что спрятаны подъ самымъ престоломъ, который нельзя трогать, и что еще «не пришло время» выйти деньгамъ на свѣтъ.

Признательность крестьянъ къ Каразину за заботы его о нихъ выразилась въ сочувственномъ отношеніи къ его несчастьямъ: «Василій Назаровичъ все по закону дѣлалъ, по-божески; за его доброту его и обидѣли паны», говорили старики; Марья Егоровна Подгоричани, доводившаяся Каразину кумой, украла у Василія Назаровича какіе-то векселя и отобрала лучшую часть земли [1]. Нѣкто «Топчіевъ» забралъ въ счетъ долга 17 лучшихъ крестьянъ. Все это разстраивало и хозяйство, и здоровье Василія Назаровича. Когда случился пожаръ и сгорѣлъ «книжный магазинъ», Василій Назаровичъ сильно плакалъ и поѣхалъ къ сыну, который служилъ у генерала (Лазарева), и «съ досады (горя) умеръ». То же самое разсказывали мнѣ и другіе кручанскіе старики. Одинъ изъ нихъ, самый старый, 85-ти лѣтній Дмитрій Івановъ Катко, который еще лично помнитъ Василія Назаровича, нѣсколько дополняетъ разсказы Сѣренка. Такъ, онъ разсказываетъ, что еще за его память вырвали изъ стѣны церковнаго притвора одну желѣзную петлю, подобную оставшейся; она была придѣланы внизу, какъ разъ подъ той петлей, куда вкладывалась рука провинившагося, и, въ свою очередь, захватывала ногу послѣдняго. Катко говоритъ, что наказаніе это Каразинъ примѣнялъ за безбожіе и пьянство. Какъ Сѣренко и другіе старики, Катко съ удовольствіемъ вспоминаетъ про счастливое, безбѣдное житье Каразинскихъ крестьянъ. Слава о добротѣ пана къ крестьянамъ распространялась далеко, и нерѣдко Василію Назаровичу приходилось покупать спасавшихся у него крестьянъ сосѣдей помѣщиковъ [2]. Крестьяне платили незначительные налоги, богатѣли и очень любили добраго «пана». Привольное житье кручанцѐвъ кончилось со вступленіемъ въ управленіе имп Сявцилла, зятя Каразина: тогда стали налоги, «какъ и вездѣ». Что касается сельскихъ

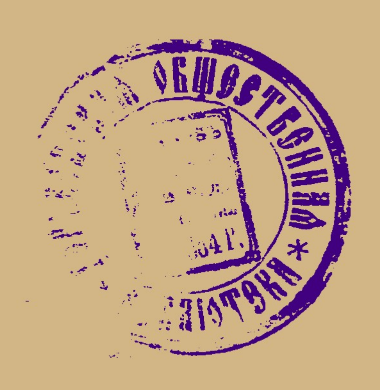
[1]) Есть какія-то указанія на тяжбы Каразина; документы эти изслѣдованы частью Чириковымъ: какой-нибудь подлогъ былъ при расчлененіи имѣнія.

[2]) Въ рукописяхъ Чирикова, гдѣ указаны всѣ тяжебныя дѣла В. Н. Каразина, значится дѣло „О записаніи имъ себѣ въ крестьянство Бурянова“ (№ 130), „О завладѣніи имъ крестьянокъ (?) помѣщика Севуплани“ (№ 195). Дѣла эти возбуждены были помѣщиками по смерти Василія Назаровича (въ 1843 году).

учрежденій Каразина, то Катко относится къ нимъ съ проніей. Мужики, разсказывалъ онъ, пьянствовали и лѣнились, какъ и вездѣ, а тѣлесныя наказанія Каразина превращались въ одну комедію (какъ говорилъ и Сѣренко), надъ которой смѣялись и сами наказуемые: «что мужику 3 розги: онъ выйдетъ изъ «думы» да и смѣется, а то пойдетъ въ шинокъ, да еще больше напьется». Собственно говоря, думы, какъ общественнаго учрежденія, вовсе не было, по мнѣнію этого крестьянина. Неграмотные «благочинный и староста смотрѣли на все изъ рукъ барина: прикажетъ онъ наказать подсудимаго—и тѣ заявляютъ о томъ же, прикажетъ отпустить его—они повинуются», Кое-что новое разсказалъ мнѣ Катко о томъ, какъ работала лабораторія Василія Назаровича. Оказывается, что главными мастерами въ Кручикѣ были французы, оставленные Каразинымъ послѣ войны 12-го года у себя въ деревнѣ. На этихъ французовъ намекалъ Сѣренко, но я не совсѣмъ повѣрилъ его разсказу. Катко передаетъ, что французовъ было душъ 30 (по Сѣренку—11): что для нихъ было выстроено особое общежитіе; занимались они какимъ-либо ремесломъ, если знали его: дѣлали косы, юфти, кирпичи, горѣлки. Кто не зналъ мастерства, окапывалъ лѣса Каразина глубокими рвами. Въ лабораторіи тоже работали главнымъ образомъ иностранцы; у каждаго мастера былъ подмастерье-ученикъ, котораго онъ былъ обязанъ выучить своему искусству. Однимъ изъ такихъ кручанскихъ химиковъ былъ отецъ разсказчика, дворовый человѣкъ Каразина, Иванъ Катко. Въ прочихъ подробностяхъ объ обстоятельствахъ жизни В. Н. Каразина Катко оказался одинаковъ съ Сѣренкомъ.

Все громадное Кручанское имѣніе Василія Назаровича въ 2660 десятинъ, расположенное по рѣчкамъ Кручику и Мерлу и ручью Хвощеватому, сперва раздробилось на множество кусковъ, принадлежавшихъ графу и графинѣ Подгоричани-Петровичъ, Ив. Ив. Федоренку, Д. И. Мягкому, Е. А. Земборскому и женамъ ихъ Олимпіадѣ Ив. Мягковой и Пульхеріи Ив. Земборской, Мар. Ег. Файстель, баронессѣ Тилли (урожд. Духовецкой), крестьянамъ окрестныхъ деревень (Переходовки, Александровки), товариществу Гутянскихъ заводовъ и др. Съ начала 80-тыхъ годовъ Кенигъ началъ скупать упомянутыя земли, владѣніе которыми главнымъ образомъ и сосредоточилось въ его рукахъ; другая часть Кручанской земли,

именно «парки» и нѣсколько пахатной земли, Кенигъ продалъ крестьянамъ села Кручика; а третій кусокъ имѣнія Василія Назаровича принадлежитъ теперь Духовскому. Таково теперешнее состояніе и дѣленіе имѣнія Василія Назаровича. Его мы описали на основаніи межевыхъ книгъ, плановъ и купчихъ крѣпостей, хранящихся въ Гутянской конторѣ свекло-сахарнаго завода Кенига, осмотра теперешняго Кручика и разспросовъ мѣстныхъ крестьянъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ

